

Н.К. Данилова*

Самарский государственный университет

Структура художественного сообщения

N. Danilova

Mitteilungsstruktur des literarischen Textes

Der vorliegende Beitrag setzt sich mit den Problemen der Codierung und Decodierung der Mitteilung des literarischen Textes auseinander. Es wird untersucht, wie der Wechsel der Subjektperspektiven zur Steuerung der literarischen Kommunikation beitragen kann.

В центре внимания последующего изложения будут способы формирования сообщения в условиях не прямой (дистанцированной) коммуникации. В отличие от непосредственной коммуникации, в которой очевидно влияние ситуации и контекста общения, в литературной коммуникации эта связь опосредована текстовыми связями, выдающими наличие определенным образом организованного смысла. В структуре изложения можно выделить действие ряда факторов, определяющих процессы формирования художественного сообщения.

Современный лингвистический анализ выделяет связь условий общения с когнитивными системами участников общения [1]. В динамической и деятельностной коммуникативной концепции язык получает освещение не как механизм объективации информации или средство самовыражения, а как «медиатор понимания» в контексте языковых игр. Участники «языковой игры» рассматриваются в этом случае как текст (вербальный и невербальный), обращенный друг к другу. Речь идет о своего рода «игре в игре», которая позволяет вы-

---

* © Данилова Н.К., 2005.

строить взаимоотношения партнеров с помощью создаваемой на основе языка «структуры понимания», ограничивающей произвольность означивания.

Доминирование образа «вероятностного мира» и признание гипотетичности бытия, выделяемые коммуникативной концепцией литературы, обнаруживают особые характеристики художественного познания, связанные с возможностью нелинейного, процессуального познания мира. Стремление воздействовать на сознание воспринимающего ориентирует общение на дискурс Собеседника, что получает объективированное выражение в текстах.

Определенный деятельностной концепцией интерес к когнитивным процессам меняет представление о способах функционирования языковых категорий. В новой перспективе традиционные категории получают освещение как альтернативные способы построения предполагаемой ситуации (концептуализация). Возможность выбора альтернативы обусловлена разнообразием модусов репрезентации, свойственных употреблению языковых знаков. Включенность языка в отношения в объективном мире, в межличностные отношения, в личные переживания индивидуума, формирует *полифункциональность* знака.

Возможность рассматривать всякое осмысленное языковое выражение как доступное наблюдению событие и как доступное пониманию значение представляют собой два основных модуса употребления языка [3]. В отличие от первого, *когнитивного*, второй — *коммуникативный* — направлен на достижение взаимопонимания. Когнитивное (некоммуникативное) употребление требует прояснить отношение между предложением и «положением дел» (в терминах интенций, пропозициональных установок, направлений адаптации). В противоположность ему коммуникативное употребление ставит вопрос о том, как быть «выражением чего-либо» и «сообщать кому-либо чего-либо». Обозначенные модусы употребления языкового знака формируют среду, в которой возникает и существует каждое новое высказывание.

Когнитивный аспект языка, несущий информации о способах концептуализации действительности, коммуникативный аспект, в котором отражена его роль в организации социальной жизни, и аспект саморепрезентации, позволяющий индивидууму объединить инди-

видуальный и социальный опыт, формируют способы вербального поведения индивидуумов в различных сферах общения, включающие объективирующую установку, определенную позицией третьего лица, и перформативную установку, ориентированную на правила (позицию второго лица) и экспрессию (позицию первого лица) [3].

Обозначившееся единство аспектов языковой деятельности и настоятельная необходимость исследования процессов языкового синтеза привлекает внимание к особому качеству языковой семантики, ее «не-субстанциональности», позволяющей языковым формам обслуживать значительное число когнитивных и коммуникативных операций. Свойство «не-субстанциональности» наиболее подробно исследовано когнитивной лингвистикой. В отличие от объективистских теорий значения, где значение выражения приравнивается к набору условий, в которых оно истинно, когнитивная грамматика приравнивает значение к «концептуализации» (ментальному опыту) [2]. Грамматика приобретает статус инвентаря символических средств, использование которых предполагает способность к алгоритмизации и решению коммуникативных задач.

Когнитивный субъективистский подход учитывает как внутренние свойства объекта, так и то, что мы предпочитаем думать об объекте или ситуации. Когнитивная грамматика исходит из понимания того, что лингвистическое выражение и грамматические конструкции конструируют воображаемую ситуацию на основе определенного образа. Использование ресурсов грамматики позволяет актуальному событию говорения вписаться в контекст употребления. Конвенциональность грамматических структур не означает их полной автономности, так как в них предусмотрена определенная степень предсказуемости, но они прочитываются только в определенных контекстах.

У. Куайн, говоря о специфике языкового значения, предпочитает термин «операциональность». [4]. Феномен «операциональности» проявляется в не-семантичности языковых операций в широком понимании этого слова. Информация, которую они несут, образует последовательность векторов, отсылающих к определенным концептам. Операциональный характер языка создает необходимый и достаточный минимум регламентации и максимум свободы, который позволяет использовать язык для реализации творческих способностей индивидуумов.

В процессе использования языковых знаков векторные свойства языкового значения наиболее полно проявляются в организации содержания на том уровне, который может получить определение «содержательной формы». Литературному тексту, так же как и текстам документальной прозы, свойственно качество структурированности, позволяющее говорить о наличии в них определенным образом организованного сообщения.

В отличие от аргументативного дискурса с его эксплицитно данной структурой суждения литературный дискурс использует специальные приемы организации сообщения, основным из которых является «перспектива», понимаемая как базовый элемент коммуникативной компетенции. Речь идет, таким образом, не только и не столько о специфике текстовой организации, сколько о существовании определенных дискурсивных технологий.

Возможность подобного понимания утверждает Г. Глинц в созданной им теории понимания. Содержанием компетенции, согласно Глинцу, является система перспектив, понятийные схемы (*begriffliche Raster*), позволяющие осуществить систематизацию наблюдаемых феноменов [5]. Благодаря наличию компетенции участники общения обретают способность решать проблемы кооперации и выполнять необходимые процедуры структурирования мира.

Ориентация на реципиента является основной в концепции Г. Глинца, тексты, по мысли автора, распознаются по их воздействию на реципиента. Схема индивидуального понимания или «конституция собственного Я» (*Konstitution des eigenen Ich*) включена в целостную схему эмиссии и рецепции текста, в которой получают описание коммуникативные роли участников общения. Автор-Творец обладает в этой схеме компетенцией, когнитивной биографией и мотивацией. Репрезентативный план литературной коммуникации включает отдельные фрагменты реальных событий, являющиеся частью создаваемой «конструкции», которая охватывает изображение события или состояния, не существующего в реальности, но содержащего фрагменты действительных событий [5].

Признавая интерактивную основу понимания, Г. Глинц вместе с тем утверждает невозможность совпадения компетенций эмитента и реципиента, структура коммуникации рассматривается им как заведомо асимметричная. Подчеркивая разнообразие интерпретаций,

он приходит к выводу относительно «предрасположенности» смысловой структуры рассказа к «двойному пониманию» (*der ganze Text (ist) bewußt auf solche doppelte Verstehbarkeit angelegt*). Наличие в тексте изложения определенных структур, направляющих понимание и связанных с выбором перформативной или объективной установки, и принципиальная возможность отказа от предлагаемых перспектив создают условия для конфликта интерпретаций или для поиска возможного компромисса.

В прагматической теории понимания Г. Глинца конкретные языковые действия рассматриваются как «условие рождения фактов» из состояний и возможностей. Способом присвоения фактичности в этом процессе становятся время и пространство. Любое отклонение от реальности, о котором следует знать реципиенту, сигнализируется с помощью специальных средств, к которым относятся перформативы, формы времени и модуса, а также средства временной и модальной ситуативности (дейксис). Способы, какими они организуют интеракцию в условиях дистанцированного общения, могут получить отличное от традиционного освещение, если исследовать участие этих категорий в реализации дискурсивных технологий.

В рассказе М.Твена «*Eine Rigibesteigung*» начальная секвенция открывается перспективой изложения, выраженной модальным глаголом и пассивной конструкцией и служащей формированию объективированной установки, регламентируемой нормами:

(1) *Der Rigi kann mittels Eisenbahn, zu Pferde oder zu Fuß bestiegen werden, je nach Belieben des Reisenden.* (Twain, S.85)

Имперсональная рефлексивная перспектива, определенная модальностью возможности, сменяется перспективой, ориентированной на действительное положение дел и вводящей предметную ситуацию изложения во всех ее необходимых компонентах, участниках, времени и месте событий:

(2) *Ich und mein Freund warfen uns in Touristenanzüge und fuhren an einem herrlichen Morgen mit dem Dampfboot den See hinauf. In Weggins, einem Dorfe am Fuße des Berges dreiviertel Stunden von Lanzen, gingen wir an Land.*

Включение циклических указателей времени (*an einem herrlichen Morgen*) и географических и топонимических указателей пространства (*In Weggins, einem Dorfe am Fuße des Berges*) придает изложению

достоверность, кроме того, в спецификацию «сцены» входит направление движения «den See hinauf» и квантификативная характеристика «dreiviertel Stunden von Lanzen», синкретично представляющая пространство-время. Временное следование событий приобретает каузальный смысл, так как временные квантификаторы используются одновременно как маркеры связи событий. Смена перспектив сигнализируется всем изложением и выбором в качестве предмета конкретного описания ситуации. В отличие от начальной секвенции перспективная структура последующей связывает не социальный мир и конкретную ситуацию изложения, а служит тематизации референциального пространства и его связи с ситуацией восприятия, в центре которой располагается субъект речи.

Центром структуры в следующей секвенции является коллективный субъект, выраженный местоимением «wir» со свойственной ему инклюзивной семантикой «ich und mein Freund». Структура сообщения расширяется в последующих секвенциях за счет импликации субъекта восприятия, что оказывается возможным благодаря включению перспективы субъекта речи, которая позволяет включить внутренний мир персонажа:

(3) Als wir etwa zweihundert Meter marschiert waren und anhielten, um zu rasten, blickte ich beim Anzünden meiner Pfeife von unngefähr nach links und entdeckte in einiger Entfernung eine Rauchsäule, die wie ein langer schwarzer Wurm lässig den Berg hinaufkroch. Das konnte nur der Rauch einer Lokomotive sein.

Включение в план изложения характеристик, свойственных эмоциональному (субъективному) модусу, позволяет интегрированность ситуации восприятия в событийную структуру, контрастом служит безличность грамматической формы предложения, подчеркивающая универсальность оценочного суждения, смысл которого уточняется в последующем развивающем оценку высказывании:

(4) Es erschien ungläublich, daß das Ding auf einer schiefen Ebene, steil wie ein Dach, schnurgerade aufwärts kriechen konnte; es geschah aber vor unseren Augen: ein leibhaftes Wunder. (Twain, S.88)

Выбор перспективы субъекта восприятия позволяет выстроить изложение по линии, маркирующей переход перспективы персонажа в перспективу рассказчика. Переход из ситуации чувственной реф-

лексии в ситуацию рациональной рефлексии сигнализируется условным придаточным:

(5) Wenn man sich inmitten eines solchen Dorfes befindet, kommt es einem ziemlich ausgedehnt vor und die Häuser erscheinen stattlich, selbst im Verhältnis zu heireinragenden Bergen; aber von unserem hohen Platze aus, welch eine Veränderung! (Twain, S.88)

Обозначающийся в высказывании «конфликт» между объективированной перспективой, представленной формой «man», и «открытой» перспективой субъекта речи, для реализации которой используется притяжательное местоимение von unserem hohen Platze aus. Этот конфликт разрешается благодаря введению оценочной эмфазы «welch eine Veränderung!». С оценкой в изложение включается актуальный модус восприятия, что придает объем и контрастность «образу мира».

Призматическое видение действительности, свойственное человеческому сознанию, формирует «мозаичность» мира повествования, в котором созданию непрерывности служит небольшое число параметров, в то время как остальное дорисовывает воображение. Дискретность, градуальность и целостность выступают как качества «образа мира», в котором моменты дискретности и целостности связаны с семантикой процессуальной местоименной формы в позиции субъекта высказывания. Чередование субъектных перспектив, представляющих собой комплексную характеристику, в реализации которой участвуют как личные местоимения, так и речевые действия, свидетельствует о том, что регуляция дискурсивной деятельности осуществляется с помощью тематизации одной из них. Обозначенная позицией местоименного субъекта установка подвергается модификации и уточнению в потоке речи в зависимости от целей интеракции.

В ходе развертывания дискурса в эпистемической перспективе находит отражение «вычерпывание», по терминологии А.Н. Леонтьева, «образа мира». Ментальный мир в рассказе конструируется по подобию мира физического, цепь аналогии выстраивается как «наблюдаемый мир — ментальный мир». Внутри дискурса проявляет себя, таким образом, действие языковых механизмов управления вниманием. В процессе языкового синтеза повторяющиеся элементы участвуют в формировании стратегической гипотезы относительно структуры сообщения в повествовании.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской литературы, 1999.
2. Лангаккер, Р.У. Когнитивная грамматика [Текст] / Р.У. Лангаккер. — М.: ИНИОН АН, 1992.
3. Хабермас, Й. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Й. Хабермас. — СПб.: Наука, 2000.
4. Куайн, У. ван О. Слово и объект [Текст] / У. ван О Куайн. — М.: Логос, Праксис, 2000.
5. Glinz, H. Textanalyse und Verstehenstheorie I. Studienbücher zur Linguistik und Literaturwissenschaft / Hrsg. von H. Glinz, H. Sitta, K. Brinker, J. Klein. Band 5. — Frankfurt: Athenäum Verlag, 1973.
6. Twain, M. Eine Rigibesteigung // Heiteres Darüberstehen. — Stuttgart: Philipp Reclam jun. — S. 85-98.

В.Д. Шевченко*

Самарский государственный университет

Трансформация цитаты в заголовках публицистики

V. Schevtschenko

Transformation of a Citation in a Publicist Headline

The article makes an attempt to investigate the process of a citation transformation in a publicist headline. Various functions of a transformed citation and other aspects of its use in the publicist discourse have been studied in a paper.

Публицистика представляет собой весьма интересное поле для исследования вследствие обращения к целому спектру актуальных в настоящее время тем. Интересна она и благодаря жанровому разнообразию имеющихся в ней материалов, поскольку публицистический стиль «базируется преимущественно на нехудожественном пись-

---

* © Шевченко В.Д., 2005.